

Большие и маленькие бочки, кувшины, горшки, редко встречающиеся приправы, соль, огромные тюки ваты, плотная бумага, свечи, масло для ламп... Чего только не набрал Ду Чжунпин. К тому моменту, как они вернулись к маслобойне, у всех руки были заняты свёртками, да ещё несколько человек с покупками следом тащились.

Стали грузить в повозку — тут Чжао Ба себя по лбу хлопнул:

— Совсем забыл, зачем приехали! — Справился к задней тележке, снял несколько мешков и кивнул работнику:

— По-старому, на масло поменяй.

Работник, знакомый, вопросов не задавал, пошёл бобы взвешивать. Ду Чжунпину стало любопытно, подошёл, расспросил.

Оказалось, хозяин маслобойни дело по-умному поставил. Приметил, что здешние крестьяне бобы сеют, и разрешил менять их прямо на масло — не надо сначала продавать, потом покупать. И проще, и выгоднее обеим сторонам. Вот народ со всей округи к нему и потянулся, дело и пошло в гору.

Ду Чжунпин наблюдал, как работник масло отмеряет — честно, без обмана. Обычно продавцы фиксированной ложкой черпают, раз — и готово. А этот так ловко управлялся, что ни капли мимо. Да и масло на вид качественное было. Решил и себе взять целый кувшин, только бобов для обмена не было, пришлось деньгами платить.

Работник проворно налил масло, потом помог всё добро в повозку уложить. Чжао Ба, убедившись, что ничего не забыли, верёвкой покрепче груз принайтовил, дёрнул — держится. Попрощался с хозяевами, позвал остальных — пора в обратный путь. Уже за полдень перевалило, зимний день короток, если задерживаться — в темноте добираться придётся, небезопасно.

Вернулись в повозку усталые. В жаровне лишь угольки тлели, вот-вот погаснут. Ду Ань ловко из-под сиденья мешок вытащил, угля подбросил, раздул — постепенно тепло вернулось.

Ду Чжунпин передал Цзинь-эра Фан Шэну, а сам из-под лавки корзинку достал. В ней — лепёшки да соленья. Пристроился у жаровни, подогревать начал. Ду Ань, нетерпеливый, свою лепёшку быстренько подрумянил, съел и тут же выскочил — Чжао Ба сменить.

Ещё на улице Ду Ань заметил: Чжао Ба с Фан Шэном купили совсем немного, да и то не первой необходимости. Понял — специально сопровождали, чтобы помочь.

Хотя Чжао Ба и обменял бобы на масло, но на своей кухне Ду Ань бывал — масла ещё достаточно было. Видимо, специально сделал, чтобы им неловко не было. Ду Ань это оценил, а зная, что Чжао Ба голод долго терпеть не любит, поспешил его сменить.

Чжао Ба, хоть и прямодушный, но внимательный. С тех пор как семья Ду поселилась рядом, они сошлись характерами. Ду Чжунпин, не гнушаясь солдатской простоты, в свободное время Фан Шэна грамоте учил. Тот хоть и писал ещё коряво, но уже много иероглифов узнавал.

Да ещё и медицинские книги от Ду Чжунпина получил — теперь в свободную минуту читал. Совсем другим человеком стал, не то что раньше, когда в тоску впадал. Фан Шэн всегда самостоятельным был, а тут чувствовал, что мало делает, Чжао Ба обременяет. Теперь, даже если из него врач и не выйдет, главное — настроение улучшилось. Чжао Ба был благодарен

семье Ду, и отношения между домами крепились день ото дня.

Домой добрались уже в сумерках. Размялись, стали разгружать. Ду Чжунпин пригласил соседей на ужин, заодно и насчёт завтрашнего дня договориться — одежду шить, окна дозаделывать.

Чжао Ба с Фан Шэном церемоний не стали, у себя переоделись — и в гости.

На ужин Ду Ань сварганил суп с лапшой, солений нарезал. А поскольку масло свежее купили, каждому по яичнице поджарил. Масло и впрямь хорошее оказалось — яичница золотистой вышла, аппетитной.

Ужин вышел почти что пиршественный. С тех пор как сюда перебрались, чтобы лишнего внимания не привлекать да и потому, что мука да рис дороги были, взрослые питались как все местные — лепёшки кукурузные, каша из сорго. Всё лучшее — Цзинь-эру. Хоть они и готовы были к трудностям, но в семье Ду их хоть и не жаловали, а в еде не ограничивали. Так что резкая перемена далась нелегко. Недаром они на тот заброшенный участок у реки позарились — рис свой выращивать.

За едой особых церемоний не соблюдали. Попивая суп, обсудили планы: завтра к деревенским портникам сходить, одеяла да одежду заказать, потом окна бумагой проклеить, да потолще бы.

Фан Шэн предложил:

— Холодно зимой. Если ткани да ваты останется, можно занавески толстые на окна да на дверь сшить. На ночь опускать, днём поднимать.

Ду Чжунпин эту мысль подхватил:

— А ещё одеяло на постель постелить — я худой, сидеть на голых досках неудобно.

На следующий день выдался редкий зимний солнечный день, без ветра. Сначала отправились к портнике, мерки сняли. Ду Чжунпин дополнительно заказал занавески и одеяло на постель — попросил потолще сделать. Из шкур — дублёнки. Для себя и Ду Аня — из овчины, а для Цзинь-эра — лисью. Эту лисью шубу сам Ду Чжунпин когда-то носил, теперь мала стала, перешить как раз. У Чжао Ба с Фан Шэном свои шубы имелись, так что им новые не понадобились.

Ду Чжунпин половину денег сразу вперёд отдал, портника обрадовала, пообещала за день-два одеяла да занавески сшить. Ну а дублёнки — те подольше делать.

Вернулись домой, пользуясь погодой, окна проклеили. Ду Ань клейстер из муки сварил, Ду Чжунпин с Фан Шэном бумагу нарезали, Чжао Ба за работу взялся. Вскоре в обоих домах стало заметно теплее — сквозняков не осталось.

Хотя с каждым днём холодало, в обустроенном доме было уютно. Четверо взрослых да ребёнок зазимовали с комфортом. Обычно день проходил так: утром, перебравшись, собирались вместе. Фан Шэн, Ду Чжунпин и Цзинь-эр на постели размещались — Ду Чжунпин Фан Шэна грамоте учил да с Цзинь-эром занимался. Ду Ань с Чжао Ба на краешке сидели, болтали да работой мелкой занимались — кукурузу, например, лущили. Иногда их просили воды подать или перекусить чего.

С тех пор как жаровню стали использовать, Ду Чжунпин придумал над ней этакую решётку-подставку сделать: и искры не разлетаются, и чайник поставить можно, да ещё по краям

каштаны или батат запечь — на закуску. Штука прижилась. Ду Чжунпин, конечно, только идею подал, а мастерил Чжао Ба. Ворчал, мол, у грамотеев всегда выдумки, но себе такую же сделал. Теперь по всей деревне подобные подставки в ходу.

К ноябрю снег выпал несколько раз — земля белая-белая, чистая. Ду Чжунпин любил такие дни: снег только что прошёл, солнце выглянуло, небо синее-синее, воздух холодный, но свежий.

Семья Ду с юга была, потому на такой снег смотрела как на диковинку. Чжао Ба даже посмеивался над ними. Ду Чжунпину нравилось, как снег на крышах лежит — прямо как в сказке. Подолгу любовался. Ду Ань в таких делах ему всегда потакал, а Цзинь-эр просто в ладоши хлопал, радовался.

<http://bllate.org/book/16286/1467464>